

ЗА РАЗЛОМОМ
ОРЛА

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ

Держа в ладонях пиалу с кофе, я размышляла о том, чем занимаюсь, вернувшись домой. Одно-единственное слово привело меня сюда с Земли — я всегда надеялась его услышать, но почти позабыла о нем за прошедшие семнадцать лет.

Слово это было «дерьмо», и оно более-менее отражало мое душевное состояние.

Гроссарт пообещал встретиться со мной в кофейне «Ленивцы» на среднем ярусе Страта-Сити. Мне пришлось пробивать себе путь к столику на двоих у окна, недоумевая, почему этот столик — явно с лучшим видом — оказался свободным. Скоро я поняла: кафе «Ленивцы» находилось прямо под стартовой площадкой для дайверов и кто-нибудь из них то и дело с треском пролетал мимо окна. Создавалось впечатление, что сидишь внутри небоскреба после краха фондовой биржи.

— Повторить, мэм?

Мохнатый робот-официант преодолел сплетение трубок под потолком, смахивавшее на кишечник, и завис над моим столиком.

Я решительно поднялась с места:

— Нет, спасибо. Я ухожу. Если меня спросит мужчина... Если он спросит Кэрри Клэй, передайте: чтоб ему мочиться против ветра.

— Ну что вы, это ведь не слишком приятно.

Тот самый мужчина возник рядом со столиком, словно призрак. Я взглянула на него, когда он усаживался на свободный стул, а потом вздохнула, покачав головой:

— Боже! Вы бы хоть попытались придать себе сходство с Гроссартом, если уж не в состоянии явиться вовремя.

— Прошу прощения. Вы же знаете, что пунктуальность не для нас, марсиан. Или знали когда-то.

Я возмутилась:

— На что это вы намекаете?

— Ну, вы провели какое-то время на Земле, верно? — Он подождал шелчком пальцев официанта, который успел двинуться по потолку в обратный путь. — Мы совсем как японцы: никогда не доверяем тому, кто уезжает, а потом возвращается. Пожалуйста, два кофе.

Я вздрогнула, когда мимо окна просвистел дайвер.

— На этот раз сделайте... — начала я, но официант уже удалился.

— Смотрите, теперь вы связаны обязательством.

Я снова бросила оценивающий взгляд на лысеющего мужчину средних лет.

— Вы не Джим Гроссарт. Даже отдаленно не похожи. Я встречала и более убедительных...

— Двойников Элвиса?

— Кого?

— То же самое говорили про Элвиса, когда он оставил затворничество. Что он выглядит не так, как ожидали поклонники.

— Понятия не имею, о ком или о чем вы толкуете.

— Разумеется, не имеете, — сказал он, торопливо переходя на извиняющийся тон. — Вы и не должны. Это моя вина: постоянно забываю, что не все помнят такие давние события. — Он указал на мой пустой стул. — Не присядете, чтобы мы могли нормально поговорить?

— Спасибо. То есть спасибо, нет.

— И я предполагаю, что даже слово «дерьмо» на данном этапе никак не поможет делу?

— Простите, — помотала я головой. — Вам придется сделать гораздо больше.

Слово, конечно, имело значение, однако меня не сильно впечатлило то, что оно известно собеседнику. Я не оказалась бы на Марсе, если бы некто, знавший его, не связался с моим агентством. Проблема состояла в том, что этот человек едва ли был тем, кого я искала.

Все это началось довольно давно.

Я сделала себе имя, освещая важные события на Земле — единственная журналистка, допущенная в Ватикан в период Перезагрузки Папства, — однако до того я считалась на Марсе репортером средней руки. Мною было написано много статей, но больше всего я гордилась одной, посвященной первой высадке — событию, которое с каждым десятилетием становилось все более туманным и все сильнее обрастало мифами. Считалось, что Джим Гроссарт и остальные погибли во время беспорядков, но я доказала, что дело могло обстоять иначе. В конце концов, ни одного тела не на-

шли. А беспорядки давали шанс легко исчезнуть из поля зрения общественности раньше, чем груз славы делается слишком тяжелым. Нелишне напомнить также, что прорыв в медицине, который и спровоцировал беспорядки, позволил бы любому человеку той эпохи дожить до сегодняшнего дня, пусть даже «Гидра» совершила посадку столетие назад.

Я и тогда понимала, что вероятность ничтожно мала, однако — сознательно опустив один факт, обнаруженный за время расследования, — оставила способ связаться со мной.

— Ладно, — произнес он. — Давайте я посвящу вас кое во что. Первым словом, произнесенным на Марсе, было слово «дерьмо», и на этом мы сходимся, но далеко не всем известно, что я произнес его, потому что на предпоследней перекладине лестницы у меня соскользнула нога.

Я позволила себе движением брови выразить легкое удивление, не более того. Он продолжил:

— При передаче сообщения слово вырезали, получилось совершенно незаметно. Сообщения приходили на Землю с двадцатиминутной задержкой, и никто не обратил внимания на несколько лишних секунд, потребовавшихся цензорской программе. Помните, как запинался Нил Армстронг, читая свои стихи на Луне? Никто не позволил бы вновь случиться такому.

Официант подал нам кофе, цепляясь за трубки на потолке четырьмя задними конечностями, пока длинная пара передних опускала на стол дымящиеся пиалы. Дешевый коричневый мех плохо прикрывал остов робота.

— Только мне кажется, что это Луи сбивался, читая стихи, — сказала я.

— Луи?

— Армстронг. — Я отхлебнула кофе, он имел насыщенный цвет сливочной ириски, как и настоящее марсианское небо. — Первый человек на Луне. Но опустим это.

Он махнул рукой: мол, ошибся, но это ничего не меняет.

— Не важно. Суть в том, или была в том, что все, сказанное на Марсе, передавалось на Землю через «Гидру». Но корабль не просто отправлял сообщения, он еще и сохранял копии, занося их в карту памяти. И туда все записывалось без цензуры.

Я еще раз с опаской глотнула из пиалы. Я и забыла, какие напитки нравятся нам, марсианам: пиво в глиняных кружках, способных впечатлить своими размерами даже викинга, и кофе в посудинах, из которых вполне мог бы прихлебывать кумыс Чингисхан после целого дня кровопролития.

— Расскажите, как мне удалось заполучить карту памяти, — и я, возможно, останусь, чтобы допить кофе.

— Вот этого я не могу знать наверняка.

— Ага. — Я улыбнулась. — Слабое место.

— Нет, просто я понятия не имею, кому Эдди мог продать карту. Но сам я точно продал ее ему. Он растаман, приторговывает всякой раннемарсианской всячиной. Но в последний раз я видел Эдди несколько десятилетий назад.

Все это внезапно перестало походить на совсем уж напрасную трату времени.

— Эдди до сих пор занимается своей торговлей, — сказала я, припомнив запах дури, сочившийся из передвижной лавки старьевщика и разливавшийся по пологим склонам долины Ареса. — Карту он никому не продавал до меня, пока я не занялась расследованием, касающимся «Гидры».

Он откинулся на спинку стула:

— Итак, теперь вы готовы согласиться с тем, что я тот, за кого себя выдаю?

— Я не уверена. Пока еще.

— Но вы настроены менее скептически, чем несколько минут назад?

— Вероятно, — ответила я.

Все это еще предстояло всесторонне обдумать.

— Послушайте, мой внешний вид — не моя вина. Гроссарт, которого вы знаете по своим исследованиям, был мальчишкой, тридцатилетним парнем.

— Но вы, должно быть, прошли курс лечения от старости, иначе мы не вели бы сейчас этот разговор.

— Верно, только это было ничуть не похоже на марсианское лечение. Не забывайте: если бы его можно было пройти запросто, вообще не случилось бы никаких беспорядков. А я в то время был слишком занят, стараясь исчезнуть, чтобы думать еще и о качестве лечения. — Он потер рукой макушку: морщинистая красная кожа в венчике колючих седых волос. — Мой психологический возраст составляет примерно семьдесят лет, хотя я родился сто тридцать два года назад.

Теперь я взглянула на него внимательнее, вспоминая изображение Джима Гроссарта, с которыми ознакомилась много лет назад. Его лицо было настолько лишено индивидуальных черт — чистый холст, — что не было смысла гадать, как он мог бы выглядеть в старости. Но на самом деле ничто в человеке, сидевшем напротив, не противоречило моим ожиданиям.

— Если вы действительно Джим Гроссарт... — Теперь я говорила, понизив голос.

— Никаких «если», Кэрри.

— Какого черта вы ждали семнадцать лет, чтобы со мной встретиться?

Он улыбнулся:

— Вы уже допили кофе?

Мы вышли из «Ленинцев» и поднялись на лифте на шестнадцатый уровень города, к тому месту, откуда прыгали дайверы. Их падение начиналось с мостков, которые выступали на тридцать метров из городской стены и завершались кольцеобразной платформой. Дайверы в ярких костюмах стояли в ожидании на кольце — ограждение было только с внешней стороны, — и время от времени один из них шагал в центр кольца и падал. Иногда они прыгали по двое и по трое; иногда были связаны друг с другом. Из всей амуниции у них имелось лишь дыхательное оборудование и костюмы белок-летяг — ни парашюта, ни страховочного реактивного ранца.

Это сильно смахивало на самоубийство. А иногда им и являлось.

— Должно быть, это весело, — заметил Гроссарт, пока мы уютно сидели в герметизированной смотровой галерее.

— Ага. Если вы клинический сумасшедший.

Мне тут же захотелось взять свои слова обратно, однако Гроссарта они, кажется, не задели.

— Ну, прыжки со скалы не так уж трудны, если вы интуитивно схватываете суть уравнений Навье—Стокса и знакомы с основными принципами аэродинамики. Там даже дают напрокат беличьи костюмы для двоих.

— Даже не думайте об этом.

— Что, высота — это не ваше? — произнес он, отворачиваясь, к моему несказанному облегчению, от окна. — Не очень-то по-марсиански.

Он был прав, пусть мне и не хотелось это признавать. Сила притяжения на Марсе немногим меньше двух пятых от земной — этого недостаточно, чтобы почувствовать разницу при падении со значительной высоты, зато хватает, чтобы марсиане росли, гораздо реже страдая от болезненных столкновений тела с поверхностью планеты, которые жители Земли принимают как должное. Марсиане относятся к высоте так же, как остальное человечество — к элек-

тричеству: всего лишь понимают, что это опасно, но никак не чувствуют сосущего под ложечкой страха.

А я чертовски долго отсутствовала.

— Идемте, — сказала я. — Пробежимся по сувенирным лавчонкам. Моя прапрабабушка не простит мне, если я не пришлю ей какую-нибудь пеструю дрянь.

Мы с Гроссартом выбрали один из магазинчиков, которые тянулись вдоль внутренней стены смотровой галереи, и протиснулись мимо стендов с открытками, стоявших по бокам от двери. В магазине было полно народу, но никто не обратил на нас внимания.

— Господи, только взгляните на это. — Гроссарт поднял пресс-папье — заполненную снегом половинку шара с моделью «Гидры», замершей на красном пластиковом основании.

Там был даже Гроссарт: крошечная фигурка в скафандре, лишь немногим меньше самого посадочного модуля.

— Простенько, но со вкусом, — сказала я. — По крайней мере, если сравнивать с этим. — И показала ему брелок в виде существа, которого при снисходительном отношении можно было принять за ленивца.

— Нет, это весьма достойный образчик товара. Взгляните-ка. — Гроссарт взял камень янтарного цвета и прочитал написанное на ценнике: — «Лечебный кристалл ленивцев. Этот камень видоизменяет и фокусирует естественные хромодинамические поля тела, обеспечивая душевную и физическую гармонию».

— Но вы же не сможете доказать, что он этого не делает?

— Нет, но, мне кажется, Брэд Тричлер захотел бы донести несколько интересных мыслей до его владельца.

Я приободрилась при упоминании геолога с «Гидры».

— Хотелось бы познакомиться и с Тричлером тоже. И с Мануэлом д'Оливейрой, пока мы здесь. Это возможно?

— Возможно.

— Я имею в виду — здесь и сейчас.

— Я понимаю, что вы имеете в виду. Да, это возможно. В конце концов, все они здесь.

— И вы не возражаете против разговоров о них?

— Нисколько. — Он положил камень на место. — Эти ребята сохранили мне жизнь, Кэрри. Я никогда не забываю о моем долге перед ними.

— В таком случае все мы перед ними в долгу. — Я разговаривала, копаясь на полке с записями якобы музыки ленивцев, причем некоторые композиции были дополнены голосами китов и эски-

мосским горловым пением. — Произнося эту фразу, понимаешь, как невыразимо тоскливо она звучит.

— Ну что вы! Только из-за того, что я был первым человеком на Марсе? — Он покачал головой. — Догадываюсь, как я, по-вашему, должен себя ощущать. Как Элвис в грейслендском сувенирном магазине, который изучает пластмассового себя, предназначенного для приборной доски. И конечно же, на дворе эпоха белых комбинезонов и гамбургеров.

Я недоумевающе уставилась на него.

— Но я вовсе не испытываю ужаса, Кэрри, — добавил он. — На самом деле это меня здорово забавляет.

Я посмотрела на балахон, выставленный на полке на самом видном месте. На груди красовалась надпись: «Мой лучший друг побывал в Страта-Сити на Марсе, а мне досталась только эта паршивая футболка».

— Чертовски трудно в это поверить, Джим.

— Вы все-таки не понимаете меня до конца. Чего, по-вашему, я хочу? Почестей? Нет. Я прибыл на Марс, чтобы начать колонизацию планеты. Именно по этой причине другие последовали за мной: я сделал этот первый шаг. Он был трудным, уж поверьте, но я все равно его сделал.

Я кивнула. Хотя прошло семнадцать лет с тех пор, как я написала статью о высадке, я помнила все: Джим Гроссарт покинул Землю, отправляясь в оплаченную частным фондом дешевую экспедицию — еще более дешевую, чем кто-либо мог вообразить, — смутно представляя, как будет возвращаться с Марса. Его спонсоры намеревались затем отправлять провизию и новых поселенцев, пока не сформируется колония, способная обеспечить себя. Они планировали снарядить корабль побольше, чтобы забрать тех, кто пожелает вернуться, но предполагалось, что кое-кто захочет остаться на Марсе насовсем. Так оно примерно и получилось, однако путь Гроссарта был трудным абсолютно во всем, как и ожидалось: одних только кризисных моментов хватило бы, чтобы подвести этого человека к грани безумия и, вероятно, даже толкнуть за эту грань.

Тут, как мне кажется, все зависит от того, что вы подразумеваете под психическим здоровьем.

Гроссарт продолжал:

— Знаете, что беспокоило бы меня больше? Планета, которая слишком серьезно относится к своему прошлому. Это означало бы, что нам не удалось привезти с собой кое-что человеческое.

— Что именно? Необъяснимую склонность производить и потреблять безвкусные безделушки для туристов?

— Да, что-то в этом роде.

Тут он приложил к лицу аляповатую пластмассовую маску, и передо мной вдруг предстал тот человек, которого я надеялась встретить в «Ленинцах»: молодой Джим Гроссарт.

— Кажется, здесь вам не о чем беспокоиться, — заметила я.

Гроссарт положил маску в ящик, к сотням других, как раз в тот момент, когда продавец начал недобро коситься на нас.

— Да, думаю, не о чем. А теперь... — Он расплылся в улыбке и потер руки. — Вы ведь знаете, что я собираюсь вам предложить?

Он смотрел сквозь витрину на стартовую площадку дайверов.

Полагаю, на юридическом языке это называется шантажом. Я хотела рассказа (или хотя бы объяснения того, почему Гроссарт связался со мной после стольких лет), а он хотел совершить большой прыжок. Более того, он хотел прыгнуть в связке с кем-нибудь.

— Послушайте, — начала я, — если это так важно, может, вы просто прыгнете, а я посмотрю на вас снизу? Или прямо отсюда?

— А что, если я решу снова исчезнуть? Вы же проклянете себя за то, что позволили мне уйти прямо из-под носа?

— Весьма вероятно. Но по меньшей мере у меня останется понимание того, что я не согласилась на невыносимую глупость.

Мы уже стояли в очереди за беличьими костюмами.

— Да, — сказал он. — Но ведь еще вам придется жить с пониманием того — когда вы начнете работать над статьей, а я знаю, вы начнете, — что вы не сможете включить в текст эпизод, где совершаете большой прыжок с капитаном Джимом Гроссартом.

Я холодно взглянула на него:

— Негодяй!

Однако он был прав: личные страхи — это одно, а испорченный сюжет — совсем другое.

— Но теперь это не важно.

— Просто скажите: вы знаете, что делаете, правда?

— Ну разумеется, знаю. До некоторой степени.

Нам выдали костюмы белок-летяг. Первым делом требовалось надеть дыхательное оборудование и средства связи. Запаса воздуха в каждом костюме хватало на несколько минут, однако этого было достаточно. Сами костюмы представляли собой грязно-коричневые комбинезоны в обтяжку, с мягкой подкладкой и светящимися рекламными лозунгами. Беличьими они назывались из-за складок эластичной ткани, вшитой между руками и ногами, наподобие ко-

жистых складок у белки-летяги, — этой ткани хватало, чтобы удвоить площадь поверхности вашего тела во время падения. Мой комбинезон был всего лишь скромно укреплен на груди и животе, зато у Гроссарта имелась защитная прокладка в пятнадцать сантиметров толщиной. Мы надели шлемы, опустили смотровые щитки и подтвердили, что связь работает.

— Я вас вовсе не заставляю, — заявил Гроссарт.

— Нет, вы лишь играете на том, что я продажная скотина, готовая почти на все ради сюжета. Давайте просто опустим это, хорошо?

Мы протиснулись через шлюзовую камеру, которая вела к площадке для прыжков. Город Страта возносился вокруг нас на сотни метров: здания прижимались друг к другу настолько плотно, насколько позволяла конфигурация стен. Между постройками покрупнее извивались змеями герметизированные переходы; шахты лифтов и лестничные пролеты соединяли уровни города. Прямо над нами, взгроможденные на край каньона, сверкали неоновыми вывесками на фоне ранних сумерек несколько больших гостиничных комплексов: «Хилтон», «Холидей инн», «Лучшая марсианская гостиница».

Затем — понимая, что это, вероятно, не лучшая идея, — я посмотрела под ноги. Город под нами спускался на несколько километров, прежде чем перейти в гладкую и голую стену каньона, которая продолжалась еще ниже, и от этого зрелища ком подкатывал к горлу. Долина Маринер была глубочайшим каньоном на Марсе, и сейчас, когда нижние участки скрывались в тени, я видела на дне только собранные в кучку крошечные брызги далеких огней.

— Ради бога, Джим, надеюсь, вы знаете, что делаете.

На конце платформы распорядитель соединил нас в пару, поставив меня позади Гроссарта. Ноги у меня были связаны, руки неудобно зафиксированы по бокам, и я превратилась в объемный груз за спиной моего спутника.

Другой распорядитель отсоединил наши воздухопроводные трубки от устройства в платформе, и теперь мы дышали через костюмную систему. А потом прошаркали вперед и стали дожидаться своей очереди.

Я спрашивала себя, что я делаю. Я познакомилась в баре с человеком, давшим несколько правдоподобных ответов по поводу первой высадки, но у меня нет ни единого доказательства, что я действительно имею дело с Джимом Гроссартом. Может, когда меня отскребут от дна каньона, выяснится, что это просто местный псих, заранее все спланировавший.

— Мисс? — произнес он, когда мы подтащились к самому краю.
— Что такое?
— Наверное, вам стоит узнать это сейчас. Я не Джим Гроссарт.
— Нет?
— Нет. Я командир корабля Мануэл д'Оливейра. Но разве вы предпочли бы кого-нибудь другого для большого прыжка?

Я подумала о том, что ждет впереди — бабочки в животе уже выделяли фигуры высшего пилотажа, — и решила, что он, наверное, сказал правду. Д'Оливейра был пилотом «Гидры», тем человеком, который спустил крохотный посадочный модуль, хотя аэродинамический тормоз был сорван взрывом, случившимся посреди полета. То была не хрестоматийная посадка, но с учетом альтернативы — стать интересным новым пятном в долине Аргира — д'Оливейра справился очень даже неплохо.

— Вы отлично справитесь, командир.

— Зовите меня Мануэлом, пожалуйста. — Он говорил на американском английском почти безупречно, но с легким романским акцентом. — Скажите, как вы поладили с Джимом?

— О, отлично. Он мне понравился. Разумеется, за исключением того, что он все время поминал какого-то покойника по имени Элвис.

— Да. Простите ему эту маленькую слабость. Учитывая все обстоятельства, он не так уж плох. Думаю, нам мог бы достаться капитан и похуже. Джим объединял нас. И до сих пор объединяет. Кажется, уже наша очередь. Вы готовы, мисс...

— Кэрри Клэй. — Было странно представляться заново, но промолчать казалось невежливым. — Да, я готова.

Мы сделали шаг вперед и прыгнули в отверстие в центре платформы. Я посмотрела наверх — хотя меня привязали к д'Оливейре, поворачивать голову я все же могла — и увидела, как кольцо платформы уменьшается вдаль. Всего два удара сердца — и мы пронесли мимо яруса с «Ленивцами», а потом полетели еще быстрее. Ощущение невесомости, конечно, не было для меня совсем уж новым, но это вполне компенсировалось осознанием все нарастающей скорости и близости пронесившей мимо городской стены.

— В этом, разумеется, весь фокус. — Д'Оливейра развернул нас животом вниз, раскинув руки и ноги. — У большинства кишка тонка, чтобы держаться так близко к городской стене.

— Да неужели?

— Но отказываться от этого — большая ошибка, — заявил д'Оливейра. — Если хорошо знаешь город, можно лететь вот так близко, и все будет отлично. Главный просчет в том, чтобы отлетать слишком далеко.

— Действительно.

— Ну да. Непростительная ошибка. — Он помолчал. — Гм... Ничего не замечаете? Мы не ускоряемся. Вы снова обрели вес.

— Как глупо с моей стороны. Я... не заметила.

— Через сорок пять секунд достигается равновесная скорость. Пролетели уже четыре километра, но вы бы даже не догадались, верно?

Теперь мы падали в узкий вертикальный каньон, где с двух сторон нас обступали строения, а с третьей — скала. Д'Оливейра принялся читать мне лекцию о равновесной скорости, которая была бы очень интересна в другое время: о том, как нефтеперегонные заводы нарастили атмосферное давление на Марсе примерно до пяти процентов от земной нормы и этого — воздух не сделался достаточно плотным или теплым, чтобы им дышать, — хватило, чтобы человек в беличьем костюме не падал, словно камень, даже если равновесная скорость все-таки составляла одну шестую километра в секунду, отчего волосы вставали дыбом.

Это было кстати примерно так же, как лекция по анатомии человека на помосте гильотины.

Я снова посмотрела вниз и увидела, что мы приближаемся к последним ярусам на окраине города. Однако стена каньона казалась такой же высокой, как и раньше, а огни на дне — такими же далекими.

— Вам ведь известно, как появился этот город? — спросил д'Оливейра.

— Нет... но вы... сейчас... расскажете мне... как пить дать.

— Все началось с геологов, вскоре после беспорядков. — Он немного скорректировал наше положение и изменил угол атаки, так что мы теперь неслись почти вниз головой. — Они искали окаменелости в горных породах. Восьми километров отвесной стены им было мало, поэтому они углубили основание каньона еще на два-три километра, затем покрыли всю вертикальную плоскость строительными лесами. Понаставили прямо на лесах камералки и жилые модули, чтобы не тратить время, мотаясь вверх и вниз.

Громада здания пронеслась мимо так близко, что его можно было потрогать — во всяком случае, так казалось, — а затем мы полетели вдоль шершавой скалы, из которой кое-где торчали редкие постройки.

— И вот наконец обнаружили останки древних ленивцев, здесь, на Марсе, но в другом месте. Геологи никак не хотели этого пропустить и сорвались с места, побросав все оборудование, только пятки сверкали. — Стараниями д'Оливейры мы обогнули похожий на палец скальный выступ, который иначе проткнул бы

нас насквозь. — Когда они вернулись, строительные леса уже были незаконно захвачены. В основном молодежью, скалолазами и бейсджамперами, охочими до новых ощущений. Потом кто-то открыл здесь бар, и не успел никто и глазом моргнуть, как место стало центровым. — Последнее слово он произнес с изрядным отвращением. — Но полагаю, для туристов это не так уж плохо.

— Джим, кажется, ничего не имеет против?

— Нет, но он — не я. Я тоже ничего не имею против того, что мы прибыли сюда, и против того, что люди потянулись за нами. Но разве их должно быть так много?

— Вы ведь не можете нормировать жизнь планеты.

— Я и не хочу. Но когда-то добраться сюда было трудно. Месяцы пути в стесненных условиях. Сколько времени заняло это путешествие у вас, мисс Клэй?

— Пять дней на «Гайавате». — Говорить теперь стало легче: то, что еще несколько секунд назад было ужасом, переродилось в нечто сродни удовольствию. — И я не сказала бы, что условия там стесненные. Можно поспорить насчет декора прогулочной палубы, но если не считать этого...

— Я знаю. Видел припаркованные вокруг Марса туристские лайнеры, сверкающие огнями в ночном небе.

— Но если бы вы не прилетели на Марс, мы никогда бы не обнаружили окаменелых ленивцев, Мануэл. А ведь именно эти фоссилии подсказали, как добираться с Земли на Марс за пять дней. Нельзя же получить и то и другое.

— Я понимаю. И я очарован ленивцами, как никто другой. Просто... неужели обязательно узнавать так много и так скоро?

— Ну, лучше бы вам к этому привыкнуть. Поговаривают, между прочим, о строительстве звездного корабля, который будет лететь гораздо быстрее, чем мы можем себе представить.

Поверхность скалы сделалась теперь более гладкой — на самом деле было трудно оценить скорость падения, — и огоньки на дне каньона больше не казались бесконечно далекими.

— Да, я слышал об этом. Иногда мне даже кажется, что я бы с удовольствием...

— Что, Мануэл?

— Держитесь. Похоже, нам пора тормозить.

Существовало всего два традиционных способа затормозить в большом прыжке: один, менее профессиональный, заключался в том, чтобы шлепнуться о поверхность. Другой, более сложный, основывался на том факте, что нижняя часть стены каньона слегка отклонялась от вертикали. Суть была в том, чтобы падать, пока не

начнешь скрести по стене под ничтожно малым углом скольжения, а затем использовать трение для уменьшения скорости. Еще ниже стена загибалась, переходя в дно каньона, и, если сделать все правильно, вы попросту катились по ней и останавливались сами, без значительных травм. Звучало просто, однако на деле все было — как сказал мне д'Оливейра — не просто. Главная проблема состояла в том, что люди обычно боялись оставаться слишком близко к стремительно проносящейся мимо стене, когда она становилась гладкой. Не стоит их за это винить: тут нужны железные нервы и точное знание того, когда можно безопасно упасть. Но если держаться слишком далеко от стены каньона, оттягивая момент встречи с нею, получишь не легкий поцелуй, а хорошее столкновение на высокой скорости под неправильным углом.

Зато, уверил меня д'Оливейра, пока дайверы держатся на расстоянии, вид оттуда лучше.

Он деликатно подвел нас к встрече со стеной, и мы понеслись головой вниз. А затем он использовал в качестве тормоза подкладку пятнадцатисантиметровой толщины на передней части своего костюма; и мы покатались, словно на санках, по почти вертикальному склону. Нижняя часть стены была гладкой — тысячи дайверов до нас отполировали ее до идеального зеркала.

Когда все закончилось — когда мы совершили лишнюю достоинства, зато обошедшуюся без увечий остановку, — распорядители вывели нас из опасной зоны. Первым делом они распустили ремни, чтобы мы могли двигаться поодиночке. Ноги у меня тряслись, словно желе.

— Ну как? — спросил д'Оливейра.

— Должна признать, что все в порядке. И это было довольно захватывающе. Я даже подумываю...

— Великолепно. Тут есть лифт, который отвезет нас обратно...

— А вообще-то покажите мне, где здесь наливают что покрепче.

Я могла не волноваться: д'Оливейра был рад отложить следующий прыжок. Он заверил меня, что на дне каньона имеется бар с хорошим ассортиментом. Но мы все же задержались ненадолго, глядя вверх, на эту невероятную скальную стену, где далеко над нами мерцали огни Страта-Сити. Город казался огромным, когда я была там, и лишь немногим меньше, когда мы пролетали мимо, зато теперь стал крошечным: тонюсенькая ниточка человеческого присутствия на монументальном полотне каньонной стены.

Д'Оливейра опустил руку мне на предплечье:

— Что-то случилось?

— Просто задумалась. Ничего особенного.
— Дурная привычка. — Он похлопал меня по спине. — Сейчас мы достанем для вас выпивку.

Примерно час спустя мы с д'Оливейрой сидели в купе поезда, направлявшегося из Страта-Сити.

— Можно бы съездить куда-нибудь еще, — сказала я, пока мы сидели в баре. — В конце концов, еще рано, и мои внутренние часы до сих пор показывают полдень.

— Уже надоел Страта-Сити?

— Ничего подобного, нет, но другое место хорошо оттенило бы его. — Я допивала водку, чувствуя, как пылают щеки. — Как вы понимаете, я собираюсь описать нашу встречу.

— Почему бы нет? — Он пожал плечами. — Джим ведь поделился с вами своим мнением о Марсе, так что я тоже имею право.

— Кое-что вы уже рассказали.

Он кивнул:

— Да я могу всю ночь проболтать, если позволите. Слушайте, а не сесть ли нам на поезд до Голомбека?

— Это не так уж далеко, — согласилась я после минутного размышления. — Но вам ведь известно, что там находится?

— Для меня это не проблема, мисс Клэй. И я вообще предложил Голомбек по другой причине. Там недавно открыли для широкой публики пещеру ленивцев. Честно говоря, мне еще не доводилось ее видеть, но очень бы хотелось.

Я пожалала плечами:

— А для чего еще придуман счет на представительские расходы, если не опустошать его?

И вот мы спустились на лифте на дно каньона и сели в первый же поезд до Голомбека. Экспресс понесся по плавным холмам марсианской пустыни, пролетая над каньонами по элегантным белым мостам, выращенным из строительной кости. Было темно, пейзаж оставался непроницаемо-черным, если не считать далеких огней поселений и широких, приземистых силуэтов нефтеперерабатывающих заводов.

— Кажется, я теперь понимаю, — начала я, — почему вы связались со мной.

Человек, сидевший напротив, пожал плечами:

— На самом деле это был не я. Это был Джим.

— Ну да, вероятно. Но суть не в этом. Настало время быть услышанным, верно? Время, чтобы восстановить истину. В этом беда исчезновений — люди могут приписывать вам слова, с которыми вы не всегда согласны.

Он кивнул:

— Нас использовали всевозможные группировки, защищая то полную эвакуацию людей с Марса, то создание на нем океанов километровой глубины. И все это чушь собачья, все ложь.

— Но вы ведь, кажется, и друг с другом не были согласны.

— Да, но... — Он умолк. — Мы могли не соглашаться, но это, по крайней мере, было по-настоящему — наши мысли, а не выдумка для оправдания чужих планов. Это, по крайней мере, подлинная история.

— А если подлинная история оказывается не совсем ровной и гладкой?

— Все равно это правда.

Разумеется, он был весьма похож на Джима Гроссарта. Но я не стала бы утверждать, что они с ним выглядели одинаково: д'Оливейра как будто жил в том же обличье совсем по-другому, придавая лицевым мышцам свое собственное выражение. И держался он иначе — в нем угадывалась военная выправка.

Даже к тому времени, когда я закончила статью — с момента высадки прошло больше восьмидесяти лет, — никто так и не понял толком, что же случилось с капитаном Джимом Гроссартом. Все сходились лишь в главном: Гроссарт был нормальным, когда покидал Землю в качестве единственного участника экспедиции на Марс.

Может быть, причиной стал несчастный случай, взрыв в дальнем космосе, который повредил на «Гидре» щиты аэроторможения. Взрыв также привел к временной потере связи, длившейся несколько недель, и лишь когда антенна заработала снова, все удостоверились, что Гроссарт выжил. В следующие несколько дней, когда он начал отсылать сообщения домой, картина понемногу прояснилась. Джим Гроссарт помешался, распался на три личности. Сам Гроссарт был только одной третью от целого, и в его голове поселились еще два, совершенно новых и полностью вымышленных «я». Каждому досталась часть знаний и навыков Гроссарта: д'Оливейра унаследовал способности пилота, а Тричлер превратился в специалиста по марсианской физике и геологии. И — из опасения еще больше повредить человеку, который уже и так перешагнул черту, — сотрудники Центра управления полетами на Земле подыгрывали ему. Должно быть, надеялись, что он восстановится после кризиса — возможно, когда «Гидра» благополучно сядет.

Но этого так и не произошло.

— Вы хоть изредка думаете о том, как все было раньше? — спросила я, сознавая, что ступаю на опасную почву.

— Раньше чего?

— Полета сюда.

Он покачал головой:

— Боюсь, я не из тех, кто живет прошлым.

Голомбек был сверкающим, пестрым скоплением куполов, башен и соединительных труб — куча елочных игрушек, переложенных мишурой. Поезд нырнул в тоннель, затем вынырнул из него и оказался в суматошном подземном торговом центре. Мы вышли и примерно час неторопливо бродили по торговым галереям, прежде чем зайти в тематический бар «Пилигримы». Пол здесь был покрыт фальшивой пылью, а чудовищно дорогие напитки подвозили поставленные на шесть колес пиратские корабли с плоскими палубами, которые то и дело терпели крушение. В итоге платить пришлось мне — как и за билеты на поезд, — но я не возражала. Д’Оливейра, или Гроссарт, или кем он там себя воображал, явно не мог швыряться деньгами. Должно быть, он был почти невидимым элементом марсианской экономики.

— Вы ведь до того сказали мне правду? — спросила я, пока мы катились в вагоне к пещере ленивцев. — Насчет того, что вы, как никто другой, зачарованы инопланетянами.

— Да. Даже если остальные иногда называют меня придурковатым мистиком. Для Джима они просто мертвые инопланетяне, полезный источник новых технологий, не более того. Я же считаю, что все это гораздо глубже, что нам предназначено было их найти, предназначено было зайти так далеко, а затем продолжить поиски, пусть даже кто-то из нас покинет Марс навсегда... — Он улыбнулся. — Может, я просто переслушал их музыки во время больших прыжков.

— А что думает о них Брэд Тричлер?

Он несколько мгновений молчал.

— Брэд не разделяет моего мнения.

— И до какой степени?

— До такой степени, что считает реликты чашей с ядом. До такой степени, что сомневается, стоило ли нам вообще прилетать на Марс.

— Радикальная точка зрения для того, кто рисковал жизнью, стремясь сюда.

— Я понимаю. И спешу заметить, я ее не разделяю.

Я сделала попытку разрядить обстановку:

— Рада это слышать. Если бы вы не прилетели на Марс, не было бы у меня большого прыжка и пришлось бы искать другой способ испугаться до чертиков.

— Да, в первый раз действительно бывает страшно.

— А во второй?

— В большинстве случаев еще хуже. Зато в третий...

— Сомневаюсь, что будет третий, Мануэл.

— Даже если потом хлопнуть водки?

— Даже так.

К этой минуте мы уже подъехали к пещере, настоящей пещере, которую перевезли из другого места, старательно разобрав и вновь собрав. Вероятнее всего, изначально она располагалась под одним из акведуков и была бы затоплена через несколько лет после начала разработки полярных льдов.

Внутри все казалось чересчур знакомым, до странности. Я то и дело напоминала себе, что это настоящие пещеры ленивцев, настоящие изделия ленивцев и настоящие наскальные росписи; что ленивцы действительно жили в этой норе. И все-таки часть моего разума продолжала настаивать, что это место немногим лучше средненького музейного макета или элитного, но все же китчеватого тематического ресторана, например тех же «Ленивцев», просто декор получше.

Вот только ленивцы действительно здесь обитали. В отличие от всех макетов, какие мне приходилось видеть, тут, например, не было пола. Мысль о поле никогда не приходила в их косматые головы, стены сливались друг с другом, образуя перевернутый пещерный свод. Предположительно, они эволюционировали на густо покрытой лесами планете, где ужасные хищники, как правило, обитали внизу, на земле. Должно быть, ленивцы спустились с деревьев в какой-то момент — они не превратились бы в высокоразвитую цивилизацию, целыми днями просиживая задницу на ветвях, — однако неприязнь к земле, похоже, сохранилась в генетической памяти. Как мы, люди, до сих пор боимся темноты, так и ленивцы не любили бывать на земле, просто свисая сверху.

Все это было очень интересно, я с радостью провела бы здесь много часов, но только не за один визит. Мы два часа подряд со школьническим восторгом застывали перед каждым экспонатом, и на ближайшие пару недель я по горло насытилась мохнатыми инопланетянами о шести конечностях.

Мы договорились встретиться в сувенирной лавке рядом с пещерой. Я купила скромную футболку, изящно украшенную орнаментом ленивцев и словами: «Пещера ленивцев. Голомбек. Марс»,

стилизованными под надписи ленинцев, — выглядело похоже, если вы специалист по ксенолингвистике.

— Что ж, — произнесла я, начиная ощущать легкие признаки усталости, — это было весело. Что дальше?

— Посадочный модуль недалеко отсюда, — сказал д'Оливейра. — Можем взглянуть, если хотите.

Зря я его не отговорила.

Все складывалось очень хорошо, д'Оливейра и остальные изъяснялись, словно три отдельные личности, однако этому красноречиво противоречил крохотный посадочный модуль. Что-нибудь непременно должно было случиться, но я вряд ли могла написать статью, не коснувшись проблемы одноместного посадочного модуля.

Более того, д'Оливейра, кажется, тоже этого хотел.

В очередном вагоне мы добрались до окраины Голомбака. Этот город был первым портом захода для кораблей из космоса и поэтому в любое время суток кишел вновь прибывшими путешественниками с покрасневшими глазами. Большинство магазинов, баров и ресторанов работали круглосуточно, что тоже притягивало туристов. Из всех здешних достопримечательностей «Гидра» была, безусловно, самой старой. Когда-то — задолго до моего рождения — экскурсии действительно выезжали из Голомбака к месту посадки модуля, но это осталось в прошлом. Гора пришла к Магомету: городские окраины со всех сторон вплотную подступали к кораблю.

Мы с д'Оливейрой немного задержались в герметизированной смотровой галерее. По обеим сторонам от нас раскинулся подковообразный город, занимавший половину квадратного километра марсианской поверхности. Посадочный модуль находился посередине: крохотный, перекошенный серебристый конус впечатлял меньше модели, что содержалась внутри пресс-папье, которое показывал мне Джим. Я взглянула на других посетителей и отметила, что они с трудом скрывают свое разочарование. И я не стала бы их за это винить — я помнила, что ощущала сама, когда впервые увидела «Гидру».

«И это все?»

Но теперь я старше и впечатления совсем иные. Да, модуль крошечный; да, у него такой вид, словно он вряд ли переживет очередную пылевую бурю, — но в этом-то и суть. Будь модуль посolidнее, достижение Джима Гроссарта не было бы и вполнину таким великим.

— Хотите взглянуть поближе? — спросила я наконец.

— Вспомнить старые добрые времена?.. Почему бы нет?

Я, конечно, должна была догадаться: его голос прозвучал как-то иначе.

Мы выбрались из галереи на уровень поверхности. Народ стоял в очереди на робоуправляемые автобусы, которые катились по запрограммированному маршруту вокруг места высадки, — точно так же было в моем детстве.

— Необязательно ехать, — сказал он. — Можно взять напрокат скафандр и пройти пешком, если хотите.

— До самого модуля?

— Нет, к самому модулю не пустят. Но все равно мы подберемся гораздо ближе, чем на автобусе.

Я посмотрела на площадку и увидела, что там бродят три человека в скафандрах песочного цвета. Один фотографировал остальных на фоне посадочного модуля, явно пытаясь сделать кадр, куда не попали бы городские постройки. Мой спутник был прав: люди в скафандрах находились гораздо ближе к модулю, чем проезжавшие автобусы, но все равно до него оставалось метров сорок или пятьдесят, и никто из этих людей, кажется, не испытывал желания подойти вплотную.

Большинство туристов не могли заморачиваться с арендой скафандров, поэтому мы быстро получили амуницию.

— Кажется, здесь только два размера, — проворчала я, пока мы ждали в шлюзовой камере. — Слишком маленький и слишком большой.

Он взглянул на меня без тени веселости:

— Этого достаточно.

Тут меня осенило.

— Разумеется, Брэд.

Мы вышли наружу. Над головой было темно, зато место посадки освещалось ярко, как днем, почти лишенное теней. Посадочный модуль стоял в двухстах метрах от нас, окруженный коллекцией грузовых модулей, марсоходов, научной аппаратуры и систем жизнеобеспечения. Он смахивал на потрепанный за многие века кельтский крест, окруженный чуть менее сакральными камнями.

— Что ж, Брэд, — произнесла я. — Я много о вас слышала.

— Знаю, что слышали.

— Знаете?

Мы побрели по песку цвета ржавчины.

— Я знаю, что обо мне рассказывают Гроссарт и д'Оливейра, так что не утруждайтесь.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗА РАЗЛОМОМ ОРЛА

Подлинная история. <i>Перевод Е. Королевой</i>	7
За Разломом Орла. <i>Перевод А. Новикова</i>	32
Энола. <i>Перевод Д. Кальницкой</i>	65
Помехи. <i>Перевод Г. Соловьевой</i>	80
Кардифф после смерти. <i>Перевод Е. Кисленковой</i>	119
Ангелы праха. <i>Перевод К. Сташевски</i>	127
Спайри и королева. <i>Перевод Н. Кудрявцева</i>	157
Понимание пространства и времени. <i>Перевод А. Килановой</i>	189
Из цифры в аналог. <i>Перевод Ю. Павлова</i>	239
Неистошимость. <i>Перевод К. Сташевски</i>	256
Голубой период Зимы. <i>Перевод Е. Королевой</i>	274
Тройка. <i>Перевод А. Ахмеровой</i>	298
Спячка. <i>Перевод А. Новикова</i>	362
Жажда славы. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	403
Травмокапсула. <i>Перевод А. Ахмеровой</i>	422
Похитители воды. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	439
Старик и марсианское море. <i>Перевод А. Ахмеровой</i>	453

ЖЕЛЕЗНЫЙ ТАКТИК

Укрытие. <i>Перевод О. Степашиной</i>	479
Цветы Минлы. <i>Перевод О. Степашиной</i>	526
Железный Тактик. <i>Перевод О. Степашиной</i>	588
Оружие Мерлина. <i>Перевод О. Степашиной</i>	663

МЕДЛЕННЫЕ ПУЛИ

Медленные пули. <i>Перевод О. Степашиной</i>	699
--	-----